

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Vestnik policii
Has been issued since 1907.
ISSN: 2409-3610
E-ISSN: 2414-0880
Vol. 7, Is. 1, pp. 4-10, 2016

DOI: 10.13187/vesp.2016.7.4
www.ejournal21.com

History of Police

UDC 94(470.32).083

The Political Police and the Investigation of Insulting the Royal Family Cases in the Late XIX – Beginning of the XX Century

Leonid V. Strakhov

Voronezh state university, Russian Federation
Postgraduate student
E-mail: StrakhovLeo@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the one of the most popular political crimes in the Russian Empire, which gendarmierie police investigated in the late XIX – early XX century. Lots of cases of the royal family insulting were preserved in archives. Based on these materials the author shows how serious authorities inquire into these crimes and how often it reached the courts. In the example of the Voronezh province the author emphasized how the last emperor and his administration authorities changed in this period.

Keywords: police, gendarme department, political offence, Nicholas II, Voronezh governorate.

Введение

Одним из базовых принципов самодержавия как формы правления в Российской империи являлась незыблемость авторитета царской семьи. Заочное оскорбление царствующей особы рассматривалось как политическое преступление и предусматривало серьезное наказание.

В данной статье приводится попытка ответить на вопрос, насколько тщательно такие преступления расследовались властями и так ли сильно они угрожали политической стабильности и государственной безопасности. Рассматривается фактическая сторона дел об оскорблении царской семьи, выявляется степень серьезности отношения к ним со стороны властей и полицейских органов.

Материалы и методы

Основным источником служат материалы дел об оскорблении царской фамилии, расследованные Воронежским губернским жандармским управлением (ВГЖУ). В ходе архивных поисков нами было выявлено порядка 250 переписок и дознаний по данным делам. В исследовании рассмотрено 50 из них. Выборка сделана по хронологическому принципу: изучено равное количество дел за 1901–1904 гг., 1905–1907 гг., 1907–1913 гг. и

1914–1917 гг. Помимо этого рассмотрены жандармские отчеты, в которых упоминаются преступления данного вида, совершенные в Воронежской губернии в 1880-ые гг.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Приоритетным из них является метод историзма, в основе которого лежит освещение событий в последовательности и взаимообусловленности в соответствии с реальной исторической обстановкой. Также в исследовании используется метод системного анализа, способствующий изучению деятельности воронежской жандармской полиции в совокупности правоохранительной системы Российской империи 1880–1917 гг.

Обсуждение

Дела об оскорблении императорской семьи, сохранившиеся в столичных и многих региональных архивах, представляют собой интересный источник по истории царской России. К проблеме расследования подобных преступлений в XVIII в. обратился Е.В. Анисимов [1]. По материалам XIX–XX вв. историки чаще всего изучают настроения крестьянства, отношение народа к конкретному царю и самодержавному строю в целом. При этом исследователи далеко неоднозначно относятся к информативности дел об оскорблении царской семьи. По мнению С.В. Бахрушина, основную их массу составляют «случаи бессмысленной пьяной ругани по адресу высочайших особ» [2, с. 90]. Однако большинство исследователей все же рассматривают дела как важный источник в изучении народной ментальности и отношения к власти [3, с. 13–14]. Ценнейшим источником для изучения общественного сознания кануна революции 1917 г. данные дела признал Б.И. Колоницкий, обративший внимание на то, что в последние годы монархии власти к подобным преступлениям относились с меньшей серьезностью. Дела не доводились до судов, либо завершались незначительным наказанием виновных [4, с. 291]. Н.А. Коновалова, изучив материалы следственных дел об оскорблении царя, пришла к выводу, что крестьяне, не подвергая сомнению, принцип самодержавного устройства, высказывали недовольство против личности Николая II и «не усматривали в его действиях реализацию предначертанных Богом функций защитника и кормильца народа...» [5, с. 46].

Результаты

Законы XIX – начала XX в. предусматривали строгие наказания за оскорбление царской семьи. Согласно ст. 268 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. за произнесение оскорбительных слов в адрес императора или нанесение какого-либо вреда его изображению обвиняемый осуждался на каторжные работы сроком от 6 до 8 лет с лишением всех прав состояния и наказанием плетьюми с наложением клейм (если преступник мог быть подвергнут телесным наказаниям). В случае совершения преступления в пьяном виде (что рассматривалось в качестве смягчающего вину обстоятельства) обвиняемому грозило заключение в смирительном доме на срок от 6 месяцев до одного года. При этом устное оскорбление считалось преступным деянием, только если оно звучало в адрес правящего императора. По ст. 269 Уложения за недоносительство на совершившего подобное преступление свидетель мог быть помещен под арест сроком от трех недель до трех месяцев [6, с. 100].

По ст. 103 Уголовного уложения 1903 г. за оскорбление, надругательство над изображением или угрозы в адрес царствующего императора, императрицы или наследника престола с целью возбуждения неуважения к их особе предусматривалось до 8 лет каторги. Если преступление совершалось без умысла возбудить неуважение к царствующим особам, оно наказывалось заключением в крепости. Если же обвиняемый оскорблял императора, его жену и наследника по неразумию, невежеству или в состоянии опьянения, то он подлежал административному аресту. Согласно ст. 106 за оскорбление других членов царской семьи предусматривалось: в случае умышленного преступления – ссылка на поселение, если преступник не имел намерения оскорбить – заключение в крепости до трех лет, при наличии смягчающих обстоятельств – арест до трех месяцев. По ст. 107 последние две меры наказания применялись также к оскорбителям памяти усопших царствовавших деда, родителя или предшественника царствующего императора [7, с. 22 – 23].

Таким образом, Уголовное уложение 1903 г. расширило применение статьи прежнего кодекса на всю императорскую семью. С другой стороны путем отмены нижней границы срока каторжных работ, введения понятия неумышленного оскорбления наказание было несколько смягчено (смягчал ответственность и запрет на телесные наказания). Также в новом Уложении отсутствовала статья за доноительство по данному виду преступлений.

Так как оскорбление царской семьи являлось политическим преступлением, дела эти расследовали органы политической полиции. По всей стране в 1880 г., по сведениям III Отделения Е. И. В. канцелярии, за оскорбление царской семьи к ответственности привлекли 1289 человек [8, с. 273]. Это преступление было достаточно массовым. При этом жандармы отмечали, что далеко не всегда преступления, связанные с оскорблением царствующих особ, несли в себе реальный преступный умысел или какое-либо недовольство императорской властью.

Касаясь политического положения в южных уездах Воронежской губернии, ВГЖУ указывало на то, что, имея какие-либо претензии к местным властям, крестьяне обращались за помощью к государству (в данном случае шли жаловаться в волостные правления) только в пьяном виде. В этом состоянии люди начинали скандалить, а когда в ходе перепалки желающие утихомирить буяна чиновники показывали ему на портрет императора, доставалось и его особе. Так разгоряченные крестьяне невольно совершали политическое преступление. Подтверждая свои слова статистикой, жандармский офицер отметил, что в 25 из 41 проведенного ВГЖУ в 1879 г. дознания по ст. 268 причиной преступления становилась запальчивость или пьянство [8, с. 273].

Соответствующим образом оценивалась и заключающаяся в таких делах степень угрозы государственному порядку. В политическом обзоре Воронежской губернии за 1880 г. начальник ВГЖУ полковник Бехтеев отчитывался в Департамент государственной полиции о спокойствии в регионе, и о преданности населения законной власти. При полном отсутствии политических преступлений и случаев пропаганды в 1880 г. воронежские жандармы занимались теми самыми прошлогодними делами по 268 ст. Как заметил полковник, зачастую обвиняемых на оскорбление царя толкало пьянство, для властей они не опасны, а сами дела не могут считаться мерилом политических настроений в губернии. В целом жандарм характеризовал крестьян как глубоко преданных правительству [9, л. 8 – 9].

Чаще всего дела об оскорблении царской семьи заводились на основании доносов, что отчасти поощрялось властями. Во-первых, до вступления в силу Уголовного уложения 1903 г. доноительство влекло за собой наказание. Во-вторых, ответственности за ложный донос фактически не было. При этом сами преступления совершались в основном в ходе частных бесед, в крестьянских домах, между двумя – тремя знающими друг друга людьми. Взяться там полицейскому и застать преступника в момент совершения преступления, было неоткуда.

Часто доносители путем оговора пытались свести свои личные счеты, поэтому жандармам приходилось тщательно проверять сведения о фактах недозволенных высказываний. Приведем два примера подобных дел. В обоих случаях фигурируют священники, но никакой закономерности в этом нет. Ложное доноительство практиковалось далеко не только в среде духовенства. С 16 августа по конец октября 1902 г. ВГЖУ вело переписку о священнике хутора Богачевки Валуйского уезда Автономове, который, согласно заявлению псаломщика Васильева, оскорблял царя. Оказалось, что прежде псаломщик жил у священника, но стал ухаживать за его женой. Заметив это, Автономов выгнал псаломщика из дома и заявил на него в полицию, опять-таки, за оскорбление царя. Из чувства мести Васильев написал донос на священника [10, л. 1, 8, 9].

21 июня 1907 г. крестьянин П.А. Поляков донес на священника Георгиевской церкви слободы Айдар Н. Зайцева, который якобы в пьяном виде выкрикивал оскорбления в адрес императора и в том числе следующее: «Разве царь нам батько? Он своим детям батько, <...> его мать. Он нам земли не дает». Изучение улик по этому делу жандармерия доверила общей полиции, сотрудники которой выяснили, что между доносчиком и священником имеется личная вражда. Свидетели обвинения не подтвердили, поэтому дело было закрыто за отсутствием состава преступления [11, л. 1 – 21].

Нередко жандармам приходилось проводить дознания по фактам оскорблений, имевших срок давности более одного года. В таких случаях не всегда удавалось собрать доказательства, а зачастую и найти самого обвиняемого. 7 ноября 1900 г. белгородский

мещанин Н.М. Кишин в волостном правлении сл. Уразовой Валуйского уезда Воронежской губернии при чтении биржевых ведомостей о состоянии здоровья императора позволил себе выразиться, что «государь был пьян, туда его мать, у него голова болит с похмелья». Опомнившись, мещанин попросил прощения у свидетелей и объяснил свои слова состоянием опьянения. 28 января 1902 г. об этом происшествии узнал жандармский унтер-офицер Коломейцев и доложил руководству. Несмотря на то, что в ходе проверки благонадежности мещанина не было обнаружено никаких компрометирующих его сведений кроме склонности к алкоголю, в феврале на Н.М. Кишина завели дознание, а 26 июня его поместили в списки разыскиваемых политических преступников, которые периодически рассылались по губерниям из Департамента полиции [12, л. 3 – 6, 9]. Однако до 15 января 1903 г. обвиняемый не был включен Департаментом в розыскной циркуляр. По всей видимости, в столице это дело посчитали недостойным внимания следственных органов. На следующий день начальник ВГЖУ П.П. Глоба закрыл дело по причине отсутствия сведений о местонахождении обвиняемого [12, л. 7, 13].

Иногда в делах об оскорблении царской семьи вовсе не было никакого состава преступления. В октябре 1901 г. несколько человек донесли в полицию на крестьянина Макрышева за то, что тот якобы назвал царя дураком. По данному делу жандармы провели переписку, в рамках которой три раза (в мае, июне и августе 1902 г.) допросили обвиняемого, свидетелей и обвинителей. При этом в августе допрос проводил лично начальник ВГЖУ, для чего специально приезжал в Валуйский уезд Воронежской губернии. В итоге выяснилось, что дураком Макрышев назвал не царя, а своего друга Гришку, которого друзья называли «Царем», так как отец матери его жены носил фамилию Царев. В результате проверки уголовное дело не возбуждалось [13, л. 8, 40].

Таким образом, не всегда в делах об оскорблении царской особы усматривался состав преступления. Тем не менее, каждый подобный факт, каждый донос приходилось проверять жандармам. И несмотря на то, что дознания не возбуждались без проведения формальных переписок, в рамках которых по поручению ГЖУ сведения проверяли сотрудники общей полиции, все равно эти дела отвлекали органы государственной безопасности от более важной работы. Проблема заключалась еще и в том, что штаты провинциальных жандармских органов были незначительными. В Воронежском управлении вплоть до 1917 г. служило не более 37 человек [14, л. 32]. При этом население губернии составляло более 3 млн. жителей [15, с. 71].

Наиболее серьезно дела об оскорблении царской особы рассматривались, если в материалах обнаруживались следы более тяжких политических преступлений. Зачастую дела доходили до судов именно в этом случае. В июле 1905 г. один крестьянин написал донос на старшего унтер-офицера армии П.И. Мищенко, который, находясь в отпуске в родной деревне, выпивал с друзьями. При обсуждении событий 9 января в Санкт-Петербурге он ругал императора и правительство и заявил, что первым станет стрелять в Николая II, если тот появится в Москве. В результате 19 октября 1905 г. ВГЖУ завершило дознание, и П. И. Мищенко попал под суд [16, л. 1 – 4, 19, 20].

С 7 ноября 1915 г. по 24 февраля 1916 г. ВГЖУ проводило проверку по факту доноса воронежского лавочника на своего непосредственного начальника, назвавшего при нем императора чертом. Жандармы убедились в политической благонадежности обвиняемого, но заметили, что он придерживается определенных оппозиционных взглядов: выражает недоверие официальной печати, скептически относится к патриотическим мероприятиям. Однако дознание по факту доноса полиция не возбуждала [17, л. 1 – 20].

Напротив, в рекордные сроки завершилось следствие по делу крестьянина А.Я. Поплавского, который в начале августа 1915 г. не только позволял себе антиправительственные высказывания и даже обвинял царя в предательстве и намеренной сдаче территорий немцам, но и осознанно распространял пораженческие слухи среди других крестьян. 23 августа А.Я. Поплавский был арестован за нарушение 1 ч. 103 ст. Уголовного уложения и уже 25 числа отдан под суд [18, л. 2, 3, 9].

Если рассматривать дела об оскорблении царя в качестве источника по изучению настроений населения, то в них четко прослеживается недовольство людей тяжелым уровнем жизни. В августе 1910 г. ВГЖУ завершило дознание по делу крестьянки села Николаевки Краснодолинской волости Землянского уезда Воронежской губернии

М.Е. Гришаевой и направило материалы в суд. Дело основывалось на доносе, в котором сообщалось, что летом 1907 г. указанная крестьянка во время обеда после работы в поле заявила другим женщинам: «Бабы, плохое наше крестьянское житье, земли мало, хлеба нет. Что это у нас за царь? Он с нами несправедливо поступает, никаких распоряжений не делает, земли крестьянам не дает. Царица Мария Федоровна – <б..>, незаконного родила сына – <...>, который сейчас и правит нами, но управлять государством не умеет. Если бы я была царицей, муж мой Степан царем, а сын Паша наследником, то тогда бы я отняла всю землю у господ и поделила поровну между крестьянами» [19, л. 16 – 17]. В итоге крестьянка была осуждена, тем более что в момент произнесения оскорбительных слов она была трезвой. Примечательно, что дознание по делу было возбуждено 2 августа 1910 г. то есть спустя 3 года с момента совершения преступления.

В годы Русско-японской и Первой мировой войны в материалах дел звучало недовольство тяготами войны и положением на фронтах. 2 марта 1905 г. крестьянин Ширяев донес землянскому уездному исправнику на братьев Зубахиных, с которыми он вместе гостил у четы крестьян Студеникиных. Во время застолья, будучи изрядно пьяными, Зубахины «ругали матерно царя и генералов». В частности А. Зубахин произнес следующее: «Как же нас не бить японцам, потому что японский государь сам всегда бывает в своих войсках, а наш, <...> его мать, нанял работников, каковые получают усиленное довольствие и ничего не делают, в особенности главнокомандующий генерал Куропаткин, [который] только с милосердными сестрами <...> ». Через месяц на обоих братьев жандармы завели дело, и установили за ними особый полицейский надзор. Однако в октябре 1905 г. дознание было полностью прекращено за отсутствием состава преступления [20, л. 4 – 5 об., 7, 17, 19].

Следственные материалы по делам об оскорблении царской семьи в Воронежской губернии вполне подтверждают выводы исследователей об определенном снижении авторитета правящего монарха и действующего правительства при полной преданности идее самодержавия в целом. Люди говорили о глупости конкретного царя или о незаконности его происхождения, но ни в коем случае не заявляли об антинародном характере монархии как формы правления. При этом сложным остается вопрос о том, действительно ли личность Николая II подвергалась оскорблениям чаще, чем личности его предшественников, или же это вопрос лучшей сохранности источников. По крайней мере, всего в 1910 г. полиция Воронежской губернии расследовала около 40 дел об оскорблении царствующих особ, что соответствует уровню 1879 г. [21]. Также дела об оскорблении царской семьи свидетельствуют не только о недовольстве народа, но и парадоксальным образом о признании населением авторитета власти. На оскорбителей царствующей особы писались доносы, свидетели активно давали показания не только против незнакомых им лиц, но и своих соседей, друзей и так далее. Например, при расследовании дела П.И. Мищенко жандармы допросили всех тех, кто вместе с ним находился дома и распивал спиртные напитки. Только один свидетель отказался от дачи показаний, сославшись на то, что ничего не помнит, так как был сильно пьян [16, л. 4]. Страх населения перед законом, перед полицейскими властями – это в любом случае один из признаков политической стабильности.

Заключение

Несмотря на предусматриваемые законодательством серьезные наказания за оскорбление царской особы, сами дела по таким преступлениям чаще всего закрывались на стадии предварительного следствия, а то и на стадии доследственной проверки. Даже если они доходили до судов, приговоры за оскорбление императорской семьи не были столь суровыми и ограничивались административным арестом, в крайнем случае, тюремным заключением без ссылки на каторгу [4, с. 268].

На всех уровнях (от начальника ВГЖУ до императора Александра III) власти признавали минимальную угрозу режиму от этих преступлений. На наш взгляд, после реформ 1905–1906 гг., которые реализовали основные положения Манифеста 17 октября, уголовные статьи об оскорблении царской семьи вовсе стали анахронизмом. В условиях легализации оппозиционной печати, острой критики монархии с думских трибун скудные силы политической полиции должны были отвлекаться на пьяную ругань и разбирать

зачастую ложные доносы. Усмотреть в этой деятельности большую пользу для защиты государственного порядка достаточно сложно.

Примечания:

1. Анисимов Е.В. Дыба и кнут: Полит. сыск и рус. о-во в XVIII в. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 719 с.
2. Бахрушин С.В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Труды по источниковедению, историографии и истории России периода феодализма. М., 1987. С. 80–86.
3. Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVIII в. М., 2000. 294 с.
4. И. Колоницкий. Дела по оскорблению членов императорской семьи: особенности преступления и особенности источника // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.). СПб., 2011. С. 267–291.
5. Коновалова Н.А. Об изучении проблемы оскорбления крестьянами особы государя императора в начале XX в. // Вестн. Ом. ун-та. 2014. № 1. С. 42–47.
6. Уложение о наказаниях. СПб.: Типогр. 2 отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1845 г. 895 с.
7. Уголовное уложение. СПб.: Сенат. тип., 1903. 204 с.
8. Очерки истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1961. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 1961. 521 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 77. Д. 53.
10. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 181.
11. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 951.
12. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 165.
13. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 162.
14. ГАВО. Ф. И – 1. Оп. 2. Д. 1242.
15. Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 г. / [Под ред. Д. Г. Теменева]. Воронеж: Воронеж. губерн. стат. ком.: Типолитогр. губерн. правления, 1905. 250 с.
16. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 643.
17. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1463.
18. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1505.
19. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1116.
20. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 630.
21. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1111.

References:

1. Anisimov E. V. Dyba i knut: Polit. sysk i rus. o-vo v XVIII v. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 719 s.
2. Bahrushin S. V. Politicheskie tolki v carstvovanie Mihaila Fedorovicha // Trudy po istochnikovedeniyu, istoriografii i istorii Rossii perioda feodalizma. M., 1987. S. 80–86.
3. Lukin P. V. Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoj vlasti v Rossii XVIII v. M., 2000. 294 s.
4. I. Kolonickij. Dela po oskorbleniyu chlenov imperatorskoj sem'i: osobennosti prestupleniya i osobennosti istochnika // Vina i pozor v kontekste stanovleniya sovremennyh evropejskih gosudarstv (XVI–XX vv.). SPb., 2011. 267–291 s.
5. Konovalova N.A. Ob izuchenii problemy oskorbleniya krest'yanami osoby gosudarya imperatora v nachale HKH v. // Vestn. Om. un-ta. 2014. № 1. S. 42–47.
6. Ulozhenie o nakazaniyah. SPb.: Tipogr. 2 otd. sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1845 g. 895 s.
7. Ugolovnoe ulozhenie. SPb.: Senat. tip., 1903. 204 s.
8. Oчерki istorii Voronezhskogo kraja. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1961. T. 1: S drevnejshih vremen do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii. 1961. 521 s.
9. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee – GARF). F. 102. Op. 77. D. 53.
10. Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti (dalee – GAVO). F. I-1. Op. 1. D. 181.
11. GAVO. F. I-1. Op. 1. D. 951.
12. GAVO. F. I-1. Op. 1. D. 165.
13. GAVO. F. I-1. Op. 1. D. 162.

14. GAVO. F. I – 1. Op. 2. D. 1242.
15. Pamyatnaya knizhka Voronezhskoj gubernii na 1905 g. / [Pod red. D. G. Temeneva]. Voronezh: Voronezh. gubern. stat. kom.: Tipolitogr. gubern. pravleniya, 1905. 250 s.
16. GAVO. F. I-1. Op. 1. D. 643.
17. GAVO. F. I-1. Op. 1. D. 1463.
18. GAVO. F. I-1. Op. 1. D. 1505.
19. GAVO. F. I-1. Op. 1. D. 1116.
20. GAVO. F. I-1. Op. 1. D. 630.
21. GAVO. F. I-1. Op. 1. D. 1111.

УДК 94(470.32).083

**Политическая полиция и расследование дел об оскорблении царской семьи
в конце XIX – начале XX века**

Леонид Витальевич Страхов

Воронежский государственный университет, Российская Федерация
Аспирант
E-mail: StrakhovLeo@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме расследования жандармской полицией одного из наиболее массовых политических преступлений в Российской империи конца XIX – начала XX в. Дела об оскорблении личности царской семьи в большом количестве сохранились в архивах. На основе этих материалов автор показывает, насколько серьезно к данным преступлениям относились власти, как часто данные дела доходили до судов. На примере Воронежской губернии рассматривается отношение населения к властям и личности последнего российского императора.

Ключевые слова: полиция, жандармское управление, политическое преступление, Николай II, Воронежская губерния.